

шолтфа

А.А.Тесля

КОНСТИТУЦИОНАЛИСТСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. — М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 656 с.

Ключевые слова: политическая история, русская революция, публично-правовой порядок, конституционализм

Новая монография Андрея Медушевского, признанного специалиста в области социологии права, политической истории и истории русской политической, в первую очередь конституционной, мысли второй половины XIX — XX в., является одновременно и итоговой по отношению к многочисленным предыдущим трудам, посвященным русским конституционалистами и различным аспектам русской современной политической истории, и постановочной.

В основу работы Медушевского положены два тезиса, редко встречающиеся в исследованиях длительных исторических процессов, запущенных революционными преобразованиями, и еще реже так последовательно развиваемые и прослеживаемые на самом разнообразном материале, как это сделано в рецензируемом труде:

- 1) публично-правовые системы обладают собственной логикой, поэтому их автономное изучение, равно как и изучение других аспектов «большой истории» в оптике создания/сохранения/преобразования публично-правовых норм, не только имеет самостоятельную ценность (что очевидно и не может быть предметом спора), но и способно прояснить логику самого революционного процесса, поскольку социально-политическая революция в той мере, в какой она действительно является «политической», предполагает переустройство публично-правового порядка, а такое переустройство и есть создание публично-правовой системы как системы юридических норм;
- 2) правовое «оформление», даже в том случае, когда оно, как в советских условиях, весьма далеко от реальных практик, не является чем-то несущественным, причем сразу в двух аспектах: с одной стороны, оно отражает/формирует определенный набор представлений и в дальнейшем способно (в силу первого тезиса) действовать по собственной логике, с другой — сама потребность существующей системы в правовом оформлении не сводится к пустой формальности, такого рода решения не только скрывают, но и раскрывают важнейшие аспекты системы, в том числе через стремление к их сокрытию.

Концептуальная историческая рамка исследования ведет к трактовке русской революции как длительного исторического процесса, охватывающего весь XX в. Подобная трактовка базируется на переносе акцента с социальной на политическую сторону революции, то есть становление публично-правовых институтов, в свою очередь осмысливаемых в рамках модернизационного подхода. Таким образом, критериями «прогресса» здесь выступают: (1) рациональность, (2) прозрачность, предсказуемость и, следовательно, (3) устойчивость, стабильность публично-правовых конструкций.

В этой перспективе события 1918—1930-х годов если и могут рассматриваться в качестве «пути к модерну», то лишь обходного, поскольку Советы интерпретируются как архаичная, уходящая корнями в аграрное общество форма организации, сама по себе не способная обрести политическую самостоятельность, стать вариантом политического представительства, а значит, постоянно нуждающаяся в ином акторе политических процессов. Социальная модернизация, не сопровождающаяся утверждением адекватных — рациональных — публично-правовых институтов, оказывается не только неполной, но и обреченной на конечную неудачу, ибо не зафиксирована, не закреплена в нормативном порядке, охватывающем публичную сферу. Из этого вытекает, что модернность, разумеется, множественна, так как допускает разнообразие форм публичного правового порядка, но наличие последнего — именно как прозрачной, формальной сферы — необходимо; при ином повороте событий любое модернизационное усилие не выходит за рамки частного случая, не включаемого в публичность, — если же оно увенчивается успехом, то в конце концов «оформляет» соответствующий правовой порядок. Диалектическая тонкость заключается здесь в том, что конкретные публично-правовые решения не являются простым отражением сложившихся условий — будучи следствием наличных когнитивных рамок, они вместе с тем воздействуют на них, i.e. выступают границами мыслимого и формой, в которую облачается действие. Но поскольку форма не противостоит материи, а есть само явление смысла, именно она и определяет конкретное действие, которое невозможно без оформленности. Тем самым логическая и историческая цепочки оказываются подчинены логике публичной формы, публичного порядка.

Особое внимание исследователя закономерным образом привлекает история конституционных дискуссий о федерализме, в той или иной мере продолжающихся на протяжении всей последней сотни лет. Примечательно, что если в дебатах, сопровождавших подготовку вопросов для Учредительного собрания, федерализм рассматривался преимущественно под углом зрения территориального устройства (по аналогии с устройством Швейцарии, США или Германской империи), то в ходе разработки Конституции РСФСР 1918 г. спектр актуальных подходов к пониманию федерализма существенно расширился, включив в себя не только конституционалистскую традицию, но и интерпретацию федерализма как противоположности «власти», восходящую к Пьеру

Жозефу Прудону и Михаилу Бакунину. При этом востребованными и обсуждаемыми весной 1918 г. стали и те версии федерализма (как принципа построения публичного порядка не сверху, а снизу, без отказа от суверенитета, в конце концов восходящего к конкретному сообществу или индивиду, — остаток этой логики, заметим попутно, можно обнаружить в многоступенчатой структуре Советов), где он мыслился на основе «индивидуального» принципа — с переходом в логику корпоративного представительства. В конечном счете подобное развитие событий привело к тому, что принцип «индивидуального», нетерриториального «федерирования» был совмещен с на первый взгляд архаичным пониманием индивида как обладающего некоей одной, стабильной «производственной», «трудовой» идентичностью. Вместе с тем в таком повороте нетрудно усмотреть и логику «тотального государства», «рабочего» Эрнста Юнгера. Рассматривая итоги процесса разработки первой советской Конституции, Медушевский пишет:

«В результате произведенной разработчиками Конституции 1924 г. идеологической и семантической деформации понятия федерализма оно расщепляется на ряд составляющих, а само федеративное устройство предстает в виде трехуровневой иерархии различных образований: союзная республика, автономная республика и автономная область. В рамках договорной теории Федерации гипотетически предполагалось, что суверенитетом обладают как союзное государство, так и союзные республики. Автономные республики — государственные образования, которые не могут претендовать на суверенитет, а автономные области вообще выступают как синоним губернии. <...> В юридических дебатах и материалах Конституционной комиссии представлены различные позиции, но в целом вопрос решился наделением всех трех образований статусом субъектов Федерации, где при формальном равенстве субъектов они имеют различный статус, причем одни входят в состав других. Удержать всю эту конструкцию от распада было возможно только с помощью сильного внешнего арбитра — партийной диктатуры, наследовавшей самодержавию в выполнении этой функции» (с. 272).

Утверждение «советского федерализма» как ассиметричной системы «национальных республик» оказывается результатом, с одной стороны, ситуативных решений, необходимости давать не только реактивные, но и упреждающие ответы на национальный запрос, с другой стороны, восприятия конституционных форм как импровизированных — в предположении, что потенциальный конституционный кризис можно разрешить за счет привлечения ресурса, в самом конституционно-правовом порядке непоименованного. В этой логике введение в советские конституции 1977—1978 гг. статьи о «руководящей и направляющей роли партии» предстает своеобразным продвижением по пути политико-правовой нормализации ситуации и вместе с тем (поскольку соответствующие положения подразумевают правовую отсылку к внеправовому) демонстрацией все более явной хрупкости наличного порядка вещей.

Слабым местом рецензируемой работы нам кажется недостаточная сбалансированность юридической, то есть собственно конституционно-правовой, и исторической составляющих. Причем проблема эта носит не только и не столько стилистический, сколько содержательный характер. Так, в главе, посвященной Учредительному собранию и развернувшимся вокруг него дебатам, исследователь внезапно, завершая изложение, отмечает как недостаток отказ от куриальной системы выборов. Вне зависимости от отношения к данному тезису остается неясным, кому адресован этот упрек, ведь если говорить о событиях 1917 г., то ни одна из имевшихся на тот момент реальных политических сил не только не отставала, но и не могла отстаивать куриальный способ построения избирательной системы, не рискуя быть стремительно выброшенной с политического поля.

Иными словами, абстрактное теоретизирование в работе Медушевского нередко берет верх над историческим материалом. Высказывая свои соображения относительно того, как лучше было бы поступить в той или иной ситуации и какое конституционное решение принять, автор по большей части абстрагируется от вопроса о наличии у действовавших тогда политических групп соответствующих возможностей. Само по себе это вполне допустимо — у абстрактного подхода есть свои сильные стороны, и многие изводы теоретико-правового анализа изначально строились на подобном отвлечении, рассмотрении правовых форм как автономных. Однако регулярное «вторжение» в текст конкретно-исторических обстоятельств, апелляция к событиям обсуждаемого времени приводят к некоторой расфокусированности исследования. Заявленное как «политическая история» (и отсылающее к таким известным трудам в этой области, как, например, работа Альфонса Олара), оно в действительности оказывается гораздо более узким — и пытается компенсировать этот недостаток эпизодическими обращениями к материалу, выходящему за пределы собственно конституционалистской сферы. Именно поэтому мы полагаем, что рецензируемая книга не только подводит итог предыдущим сочинениям автора, но и является постановочной, то есть делает «итог» промежуточным, выводя на ту исследовательскую оптику, которая обозначена в заглавии, — целостную политическую русскую историю, концептуальным стержнем которой выступит история русского конституционализма.